

Анна Лерн

Тимьян
серебристый

Лавка пряностей и тайн

Анна Лерн

**Тимьян серебристый.
Лавка пряностей и тайн**

«Автор»

2026

Лерн А.

Тимьян серебристый. Лавка пряностей и тайн / А. Лерн —
«Автор», 2026

Для Вероники Бузиной путешествие в прошлое началось с того, что она открыла глаза на холодном столе в церковной мертвецкой — как раз в тот момент, когда доктор занёс над ней скальпель. Теперь она — юная мисс Элайза Стерлинг, которая не пасует перед трудностями, особенно если под рукой есть чашечка приличного чая и верная собака Пипа. Городок кажется живописным: каминь, уютные чаепития и вежливые соседи. Но у каждого есть неприглядные тайны. И Элайза умело извлекает их на свет Божий. А ещё ей предстоит разобраться с собственным сердцем, выбивающем чечётку при виде одного невыносимого джентльмена, который будто создан для того, чтобы спутывать все планы и сбивать с толку. Похороны отменяются, господа! Пришло время пряностей, любви и большого расследования! Х.Э.

© Лерн А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Анна Лерн

Тимьян серебристый. Лавка пряностей и тайн

Глава 1

Октябрь 1880 года выдался в Сноушилле на редкость промозглым. За окнами спальни в серых сумерках беспрестанно шуршал мелкий противный дождик, превращая мостовые в зеркало, отражающее огни редких газовых фонарей. Ветер завывал в каминной трубе, заставляя пламя в очаге то вытягиваться вверх, то опадать искрами на потрескивающие поленья.

Сайлас Стерлинг лежал на высоких подушках, и его лихорадочно блестящие глаза то и дело обращались к дверям.

- Отец Беннет... - прохрипел он, вцепившись в край одеяла. - Поезд из Лондона уже должен был прийти. Она здесь? Элайза здесь?

Священник, сидевший у изголовья с молитвенником в руках, печально покачал головой.

- Терпение, Сайлас. Молись, и Господь укрепит твой дух до её приезда.

А у камина, небрежно прислонившись к мраморной полке, стоял Джулиан Торн - сын покойной жены Сайласа от первого брака. Он выглядел безупречно в своем сюртуке из тонкого сукна и начищенных дорогих ботинках.

- Хватит, сэр, - язвительно бросил Джулиан, не глядя на умирающего. - К чему эта сентиментальность? Зачем вам здесь Элайза? Бедная сиротка, которая последние пять лет только и делала, что разучивала гаммы с чужими детьми в лондонских классах. Она гувернантка и не отличит горчичное зерно от кориандра...

Сайлас внезапно приподнялся и закашлялся. Когда приступ закончился, он зло произнёс:

- Ты... мерзавец, Джулиан... Думаешь, я не вижу, что ты хочешь денег? Ты ненавидишь запах специй, ненавидишь эту лавку. Тебе не терпится пустить всё с молотка, чтобы просадить наследство в столичных клубах и оплатить свои долги за карточным столом! Но в Элайзе течёт кровь Стерлингов! Она единственная, кто не даст делу моей жизни превратиться в пыль!

Джулиан лишь холодно улыбнулся, глядя на огонь в камине.

В этот момент в дверь осторожно постучали. В комнату вошла горничная и что-то быстро зашептала ему на ухо. Лицо молодого человека вытянулось. А потом на нём промелькнуло выражение внезапного торжества. Джулиан медленно повернулся к кровати.

- Какая ирония, сэр... Элайзу нашли в соседнем проулке. Труп даже ещё не остыл.

Сайлас Стерлинг схватился за сердце.

- Господь... не допустит... Не допустит! - прохрипел он, валясь обратно на подушки. Глаза его начали закатываться, но сознание ещё цеплялось за реальность. - Вернись... Богом молю... Не дай... не дай им...

Последний вздох Сайласа превратился в долгий жуткий хрип... Через минуту он умер.

* * *

Небо над холмами Котсуолда к вечеру стало тяжёлым. Казалось, оно вот-вот лопнет под тяжестью надвигающегося дождя, запах которого уже витал в воздухе. Я шла по узкой улочке, любуясь прижавшимися друг к другу домиками, покрытыми седыми пятнами лишайника. По стенам, цепляясь за водостоки и деревянные оконные рамы, висла плющ, глянцевые листья которого поблёскивали под мигающим светом начинающих включаться фонарей.

Я посмотрела на Пиперинку, замершую в сумке. Она мне напоминала розовую горгулью в твидовом пальто. Китайская хохлатая, с характером высокомерной оперной дивы и душой

инквизитора, сегодня была подозрительно тихой. Обычно Пипа оглашала окрестности требовательным твяканьем, но сейчас она лишь мелко дрожала, вглядываясь в пустоту выпученными глазками. Кстати, назвала я свою питомицу в честь пеперина - вытяжки из чёрного перца - именно из-за этих влажно блестящих бусинок глаз.

Я вздохнула, крепче прижимая к себе сумку. Шеф в прямом смысле выставил меня за дверь лаборатории, пригрозив заблокировать пропуск, если я не отгуляю этот месяц. Вопрос «куда поехать» для меня не стоял. Только Котсуолд. Я обожала этот край за красивые пейзажи и спокойную атмосферу. Казалось, если прижаться щекой к прогретой солнцем стене в Сноу-шилле, можно было почувствовать призрачный шлейф эля, который варили в соседнем пабе триста лет назад.

В общем, начальник был прав. Работа стала моим единственным убежищем. Дома меня ждали только Пипа, коллекция редких специй и оглушительная тишина пустой квартиры. Память услужливо подкинула картинку из прошлого: залитые солнцем коридоры «Технолога» (Московского государственного университета пищевых производств). В то время как другие девчонки с моего потока бегали на свидания и обсуждали парфюм из «Л'Этуала», я засиживалась до темноты в лаборатории. Для меня не было запаха прекраснее, чем смесь реактивов. Я обожала ту пору. Учёба была для меня не зубрежкой, а погружением в тайный мир знаний. Плюс, от природы я обладала отличным нюхом и могла по одному запаху отличить натуральный цейлонский коричник от дешёвой кассии ещё на первом курсе.

А вот внешность была моим проклятием. Маленькая, едва метр пятьдесят, рыжая и вечно взлохмаченная, я выглядела как недоразумение. Огромные очки в роговой оправе постоянно сползали на кончик носа, а копна непослушных волос, казалось, жила своей жизнью, игнорируя любые заколки. На кафедре меня долго не воспринимали всерьёз. «Солнечный зайчик» - так в шутку называл меня декан, пока я не представила свою первую курсовую, в которой пошагово доказала, что «элитное чилийское вино» из местного магазина - это просто банальный суррогат: спирт, вода, сахар и ароматизатор «ягодный микс». Мошенники пытались замаскировать дешевизну, но вместо сложного букета создали сладкую плоскую смесь, которая на языке оставляла неприятное вяжущее послевкусие.

Мои веснушки, рассыпанные по всему лицу, словно капли молотой корицы, сбивали людей с толку. Я ткнула пальцем в переносицу, пытаясь поправить очки, хотя у меня были линзы. Старая привычка с тех времён, когда приходилось буквально выгрызть право на уважение, доказывая, что рыжая девчонка с видом потерявшегося подростка - профессионал. Сейчас мне, Веронике Олеговне Бузиной, уже исполнилось тридцать шесть, но, судя по отражению в зеркале, время решило на мне сэкономить. Я всё так же была похожа на студентку-первокурсницу, которая случайно забрела во взрослую жизнь и после второго высшего получила статус ведущего эксперта в Главном управлении пищевых исследований и контроля безопасности...

Из воспоминаний меня выдернуло тихое рычание Пипы. Она напряжённо вытянулась в сумке, тонкая кожа на переносице собралась в суровые складки, а из-под верхней губы победно выставились два кривых зуба-клыка, торчащих в разные стороны. Пиперинка смотрела перед собой так, будто перед ней был соседский кот, укравший её любимый паштет.

- Пипа, ну ты чего? - шепнула я, но тут же сама замерла, глядя, как из подворотни начал выползать туман, перекатываясь по брусчатке густыми молочными волнами. У подножия домов он закручивался в причудливые воронки, поднимался вверх, поглощая побеги плюща, карнизы и кованые решётки... Городок на глазах превращался в призрачное зазеркалье.

Но внезапно туман вдруг втянулся в подворотню и щели между камнями, словно кто-то невидимый открыл гигантскую вытяжку. И в ту же секунду начался дождь. Пипа грозно гавкнула и стремительно дезертировала, нырнув вглубь сумки.

Я огляделась, пытаясь найти хоть какое-то укрытие, и замерла. Прямо передо мной, там, где только что клубилось серое марево, выросла дверь. Она была вызывающе, почти непри-

лично алой на фоне серых мокрых стен. На уровне моих глаз покачивалась кованая табличка. Изысканные золотые буквы, выведенные витиеватым шрифтом, гласили:

«SILVER THYME»

(ТИМЬЯН СЕРЕБРИСТЫЙ)

Чуть ниже виднелась приписка:

«Часы работы: с 9:00 до 21:00».

Я недоумённо моргнула. Странно. Раньше здесь была глухая каменная кладка...

Дождь усилился, стекая за шиворот холодными ручьями. Выбора не оставалось. Я протянула руку к латунной ручке, и та легко повернулась. Дверь подалась без единого скрипа. Как только я переступила порог, в нос сразу ударила волна ароматов. Сандал, гвоздика, тёплый обволакивающий кумин и едва уловимая цитрусовая искра кардамона.

Я стояла в длинном узком зале с низким потолком, который подпирали почти чёрные от времени дубовые балки. Здесь царил мягкий янтарный полумрак. Свет давали лишь несколько старомодных ламп с тканевыми абажурами. У стен стояли стеллажи, на которых теснились пузатые банки, фарфоровые туески, крошечные серебряные коробочки и деревянные шкапулки... Чуть поодаль вытянулся прилавок из тёмного дерева. На нём возвышались весы с изящными чашами и ряд ступок с пестиками.

- Есть здесь кто-нибудь? – громко позвала я, оглядываясь.

Пипа снова зарычала, высунув нос из сумки.

И тут из-под половиц, из щелей между полками снова начал сочиться туман. Тот самый, который только что преследовал нас на улице. Он не рассеивался, а клубился кольцами, быстро заполняя зал.

Я рванулась назад, к двери с золотыми буквами, вцепилась в ручку и дёрнула на себя. Заперто. Я рванула ещё раз, но дверь словно приросла к стене. Туман уже поднялся выше груди. Он был ледяным, обжигающим кожу даже сквозь джинсы. В глазах потемнело. Последнее, что я запомнила - это жуткий задыхающийся хрип, который донёсся откуда-то сверху, из пустоты: «Вернись... Богом молю... Не дай... не дай им...».

Колени подкосились. И я словно погрузилась в серую вату, чувствуя, что тело становится лёгким, как пушинка...

Глава 2

Мозг в моей черепной коробке превратился желе, каждый удар пульса отдавался в затылке тупой болью, а к горлу подступала тошнота. Я принялась. Несло какой-то дикой смесью хлорной извести, дешёвого табака и прогорклого жира. Это ещё что такое?

Я открыла один глаз. Прямо перед моим носом чья-то рука в грязной кожаной перчатке держала стальной скальпель.

- Констебль, - раздался над ухом сухой голос. - Удар нанесён тупым предметом, явно с намерением лишить жизни... При таком повреждении теменной кости смерть наступает мгновенно. Тело даже не успевает осознать переход в мир иной...

- Да... бедняжка... - отозвался второй голос, помоложе. – Давненько в наших местах не случилось подобного... Да, мистер Гримшоу?

Я попыталась вдохнуть, а потом открыла второй глаз. Владелец руки - пожилой мужчина с козлиной бородкой - стоял в профиль, глядя куда-то в сторону. Нашупав в себе остатки сил, я со всей дури хлопнула по руке со скальпелем и резко села. Послышался звон упавшего инструмента. В ту же секунду перед глазами взорвались тысячи салютов. Голова готова была расколоться на две части, а желудок вывернуть всё содержимое.

Я сидела на холодном каменном возвышении. Узкое окно под самым потолком пропускало серый свет пасмурного дня, а стены поросли плесенью. Глаза мужчины за стёклами очков стали размером с чайные блюдца. Рядом с ним стоял молодой человек в какой-то нелепой форме и каске, вцепившись в свой ремень. Мой взгляд медленно опустился вниз.

- Где мои вещи?

Я была абсолютно голая, если не считать куска грубого, дурно пахнущего холста, который едва прикрывал мои прелести.

- Господь Вседержитель... - прошептал мужчина с бородкой. - Лазарь... Это же истинный Лазарь в женском облике! Констебль, вы это видите?! Осквернение законов естества! Клянусь своей лицензией, у неё не было пульса!

Но констебль не ответил, потому что медленно сползал по стенке. Его каска съехала вниз, закрывая один глаз, но второй продолжал в ужасе пялиться на меня.

Несмотря на адскую головную боль, я осмотрелась ещё внимательнее. Помещение напоминало декорации к очень бюджетному фильму ужасов: стены из грубого камня, в углу стоит шаткий столик, на котором в деревянном ящике с потемневшей бархатной подкладкой лежат инструменты. Медицинские?

Мама дорогая, что это за антиквариат? Скальпели с костяными ручками, какие-то крюки и зазубренные пилы... Почему они лежат в открытом виде, без намёка на стерилизацию?

Я снова посмотрела на мужчин. Одеты они были, мягко говоря, странно. Один в кожаном фартуке поверх шерстяного сюртука, другой - в смешном старомодном кителе... Взгляд скользнул по стене напротив. Там на ржавом гвозде висел календарь. Картинка с каким-то пасторальным пейзажем, а под ней крупными жирными буквами:

OCTOBER 14, 1880

- Невероятно... Невозможно! Медицинский прецедент! Клянусь Юпитером, я сам не слышал ни единого удара сердца! Биологический парадокс! – выдохнул мистер Гримшоу, дрожащими руками развязывая тесёмки фартука. Он швырнул его в угол, а затем стянул сюртук и накинул мне на плечи. Потом доктор взял меня за запястье, прощупывая пульс.

- Как вы себя чувствуете, мисс Стерлинг? У вас ничего не болит? Вы помните, что произошло в проулке у лавки вашего дядюшки?

Я бросила на него быстрый взгляд. Что несёт этот человек? Какая еще мисс Стерлинг? Я судорожно попыталась восстановить хронологию событий. Последнее, что запечатлела память - алое пятно двери, туман и рычание Пиперины. Пипа!

- Где моя собака?! – взволнованно воскликнула я и схватилась за голову. – Ой...

- Ваше... э-э-э... животное забрала горничная дядюшки, - ответил констебль, поднимаясь с пола. - Какое ужасное создание...

Я окинула его таким взглядом, что он побледнел. Ужасное создание? Пипа – чистокровная китайская хохлатая! Я хотела было высказать всё, что думаю, но вовремя прикусила язык.

Тем временем доктор Гримшоу дёрнул за толстый шнур. Где-то приглушённо зазвенел колокольчик. Через минуту дверь приоткрылась, и в комнату заглянул мальчишка. На вид ему было лет десять. Огромная фуражка делала его похожим на грибок.

- Вилли! Лети пулей в дом к мистеру Стерлингу! Передай чудесную новость: мисс Элайза жива!

Мальчишка перевёл взгляд на меня. Увидев «оживший труп», Вилли открыл рот и вытаращил глаза, обрамлённые светлыми ресницами.

- Беги! - рявкнул Гримшоу. Тот подскочил на месте и исчез за дверью.

Доктор помог мне спуститься с «пьедестала» и усадил на стул.

- Вот так, мисс Элайза... Сейчас за вами придут. Ваши родственники наверняка уже распорядились насчёт экипажа.

Родственники? Экипаж?

- А я тем временем пошла за своим коллегой, доктором Фэррол, - продолжал Гримшоу. - Он превосходный клиницист и осмотрит вас в более подходящих, э-э... комфортных условиях. Мертвецкая — не лучшее место для молодых леди.

Он заложил руки за спину и уставился на меня прищуренным взглядом.

- Невероятно! Это либо божественное провидение, либо ваша конституция обладает поразительной выносливостью...

«Я бы не была в этом так уверена», - мрачно подумала я, стараясь не делать резких движений. Голова болела так, будто на ней кто-то прыгал, а в горле было настолько сухо, что язык казался куском наждачной бумаги.

Я хотела попросить воды, но тут же передумала. Мало ли... может, в этой сырой конуре, кишасей плесенью, стаканы моют в той же лохани, где споласкивают инструменты из деревянного ящика.

«Терпи, Вероника, - приказала я себе. – Главное покинуть это место и понять, где нахожусь.»

Время в этой холодном каменном мешке тянулось медленно. Доктор Гримшоу продолжал изумлённо бормотать себе под нос, констебль бросал на меня настороженные взгляды. А я куталась в сюртук, пытаюсь согреться.

Прошло примерно полчаса, когда в коридоре раздались быстрые шаги. Дверь открылась, и в мертвецкую вошёл мужчина лет тридцати. Высокий, статный, картинно красивый. Светлые волосы тщательно уложены. Сюртук из тонкого сукна и шёлковый шейный платок, заколотый булавкой с жемчужиной. Но во внешности незнакомца было что-то «скользкое»...

Он остановился напротив. Холодные голубые глаза пробежались по мне.

- Какая неожиданность, Элайза... - протянул мужчина. - Признаться, мы уже готовились к двойным похоронам. Какая досадная... то есть, я хотел сказать, невероятная и счастливая перемена планов...

- Джулиан, это истинное чудо! – прервал его Гримшоу, потирая руки. - Медицинская наука сегодня получила пощёчину от самого провидения!

Мужчина по имени Джулиан даже не повернулся к доктору. Он продолжал сверлить меня взглядом.

- Чудеса - это по части приходского священника, - холодно отрезал красавчик. - Элайза, полагаю, ты в состоянии дойти до экипажа?

Он подал мне руку. Я с трудом поднялась, и мы двинулись к выходу.

Глава 3

Тяжёлая дубовая дверь мертвецкой скрипнула, и мы вышли на крыльцо. После удушливого, пропитанного запахом сырости и хлорки помещения, осенний воздух ударил в лицо... Я замерла, вцепившись в лацканы чужого сюртука, и судорожно вдохнула. Потому что понятия не имела, где нахожусь. Передо мной расстился церковный двор, зажатый между мрачными стенами храма и покосившимися надгробиями. Шпиль церкви уходил прямо в низкое, цвета грязной овсянки, небо.

Мы двинулись вперёд по узкой, петляющей между могилами тропинке. Под ногами чавкала жирная смесь из размокшей глины и прелых листьев. Выданные мне старомодные ботинки были неудобными, и каждое движение давалось с трудом. Я искоса поглядывала на Джулиана, пытаюсь разгадать, что это за человек. Высокомерие сквозило в каждом его жесте. Когда мы, наконец, вышли за церковную ограду к мостовой, я непроизвольно остановилась. У меня перехватило дыхание. Передо мной, поводя ушами и выпуская пар из ноздрей, стояла пара вороных коней, запряжённых в... настоящую карету. Черный лакированный корпус экипажа поблёскивал в тусклом свете газовых фонарей, которые уже начали зажигать в тумане. Огромные колеса были сплошь залеплены рыжей грязью, а на запятках неподвижно, словно статуя, застыл лакей. Никакого асфальта, никаких неоновых вывесок - только серый камень домов, низкие заборы и запах дыма из печных труб.

Джулиан остановился у дверцы экипажа и обернулся ко мне. В его холодном взгляде читалось нетерпение.

- Ну же, Элайза. Ты смотришь на карету так, будто ждёшь, что она превратится в тыкву. Садись. Нам стоит поторопиться.

Он не подал мне руки - просто стоял и ждал, когда я сама справлюсь. Забравшись внутрь кареты, я опустилась на сиденье, и меня начало колотить. Холод, пропитавший насквозь мои кости в ледяной мертвецкой, смешался со страхом. Происходящее становилось всё удивительнее и... реальнее. В фильмах про попаданцев всё всегда кажется весёлым приключением, но здесь не было спецэффектов. На сон это не походило. Сны не бывают такими детальными, в них не чувствуешь, как немеют пальцы на ногах...

Джулиан устроился на сиденье напротив, ни на секунду не теряя своей высокомерной невозмутимости. Карета резко дёрнулась, заставив меня качнуться вперед, и с грохотом покатилась по мостовой. Я тут же отвернулась к окну, жадно вглядываясь в осенние сумерки. Но, даже глядя на эти чужие, пугающие улицы, каждой клеточкой кожи чувствовала пристальный взгляд своего спутника. Он смотрел на меня в упор, не мигая и не пытаясь сгладить неловкость момента. Этот взгляд был тяжёлым, как могильная плита, которой я так удачно избежала.

Когда Джулиан заговорил, я вздрогнула.

- На что ты надеялась, Элайза, направляясь сюда? Что вот так просто получишь лавку? Только потому, что есть завещание?

Я молчала. В голове роились мысли: какая лавка? Какое завещание? Но выдавать себя было нельзя.

- Не думай, что твоё «чудесное возвращение» что-то поменяет в моих планах, - продолжал мужчина. - Если ты рассчитываешь, что я отступлю, то ты ещё глупее, чем я помню. Я подам иск в Суд по делам о наследстве, об оспаривании завещания. Я заявлю о твоей болезни или недееспособности. После того, что произошло... Женщину очень легко признать не в себе. Один визит к врачу, одна подпись - и ты окажешься не хозяйкой лавки, а постоялицей в лечебнице для умалишённых. О лавке же позабочусь я, как и положено мужчине в нашей семье. Так что советую тебе хорошенько подумать, стоит ли эта игра свеч.

Я слушала его, А в голове пульсировала только одна мысль: «Господи, куда я попала? Кто этот человек и что ему от меня нужно?».

Если верить глазам и ушам, меня каким-то невообразимым образом занесло в прошлое. И не просто в прошлое, а в самую гущу чьих-то опасных игр. «Лавка... наследница...» - слова Джулиана складывались в чёткую, хоть и пугающую картину. Значит, эта Элайза должна была что-то получить, а «заботливый» родственник очень хочет прибрать всё к рукам.

«Так, Вероника, дыши. Не паниковать. Для начала нужно просто осмотреться, и не дать себя убить во второй раз», - уговаривала я себя, стараясь унять дрожь.

Вдруг Джулиан резко подался вперёд. И я увидела, как в его светлых глазах, вспыхнула откровенная жестокость.

- Послушай меня внимательно, Элайза. Если из твоего рта вылетит, хоть одно лишнее слово... хоть один намек на твои права или претензии - ты очень быстро пожалеешь, что вообще очнулась на том столе. Я умею быть убедительным, и поверь, методы усмирения строптивых девиц в наше время весьма... эффективны. Но если ты будешь хорошей девочкой и станешь делать только то, что скажу... я тебя не обижу. Возможно, я даже позволю тебе жить в относительном комфорте. Ты меня поняла?

Я почувствовала, как к горлу подкатывает ком. Голова взорвалась новой вспышкой боли - настоящей, невыносимой, усиленной страхом и запахом гари, просочившимся в карету.

- У меня очень болит голова... Мне... очень плохо...

В этот момент карета, качнувшись на рессорах, остановилась. Джулиан рывком распахнул дверцу и, выглянув в сырую мглу, крикнул:

- Джон, иди сюда! Живее! Помоги мне!

Я закрыла глаза и позволила телу обмякнуть, медленно сползая с сиденья. Притвориться без сознания оказалось проще простого - я и так едва держалась на краю реальности.

Через мгновение холодный осенний воздух ворвался в салон, а затем чьи-то руки подхватили меня, вынося из тесного пространства кареты. Я ощущала колючую шерсть чьей-то одежды, слышала дыхание и быстрые шаги по мокрой мостовой.

Сырая мгла вскоре сменилась обволакивающим теплом. Лёгкий аромат специй зашекотал ноздри. Корица, гвоздика, горький имбирь и ещё множество ноток сплетались в один уютный шлейф. Меня понесли по скрипучей лестнице и наконец, опустили на что-то мягкое. Похоже, это перина... Я почти утонула в ней, почувствовав щекой прохладу накрахмаленной наволочки.

А потом послышались тихие шаги, шелест платья и взволнованный женский голос:

- Дорогой, как такое вообще возможно? Как Элайза обманула смерть? И что теперь будет?

- Я и сам не могу этого понять, дорогая, - ответил Джулиан. - Скоро придёт врач, и мы узнаем, что именно не дало моей любимой кухне отправиться на тот свет.

- Милый, я не хочу уезжать отсюда... - женщина всхлинула. - Мы так долго этого ждали! Почему всё должно достаться ей? Это несправедливо!

- Мы никуда не уедем. Не переживай. Лидия. Лавка будет нашей. Я тебе обещаю.

Я лежала неподвижно, стараясь, чтобы даже веки не дрожали, хотя сердце после слов Джулиана пустилось вскачь. Но следующий возглас этой Лидии с неприятным голосом, заставил меня едва не выдать себя.

- И это проклятое существо! Настоящий адский монстр! Джулиан, это просто невыносимо! Лакеи пытались достать его из-под того комода в гостиной, но оно бросается как одержимое! Тварь лысая, у неё когти как у гарпии и этот дикий хохолок на макушке! И кусается до кости!

Пипа! Моя маленькая, отважная Пипа! Внутри меня всё затрепетало от нежности. Моя девочка здесь, она жива и, судя по всему, задаёт жару этим викторианским снобам.

- Успокойся, Лидия, - брезгливо отозвался Джулиан. - Я не намерен терпеть этот лай и покусанные щиколотки. Завтра же я вызову отловщиков собак. Пусть забирают эту ошибку природы и делают с ней всё, что им заблагорассудится. Живодерня - самое подходящее место для подобных девиаций.

«Ах ты, гад...» - мысленно прорычала я, едва сдерживаясь, чтобы не вцепиться ему в лицо прямо сейчас. - «Отловщиков? Живодерню? Ну, уж нет, дорогой кузен. Ты еще не знаешь, на что способна женщина из двадцать первого века, когда обижают её собаку. Моя Пипа будет спать на твоих лучших шёлковых простынях!».

В этот момент где-то внизу, раздался звон разбитой посуды и яростный, звонкий лай.

Глава 4

Дверь снова скрипнула, и я услышала женский голос:

- Прошу прощения, мистер Торн. Прибыл доктор Феррол. Он ожидает внизу.

- Проводите доктора к мисс Элайзе, - распорядился Джулиан, а потом чуть тише добавил:

- Нам нет нужды здесь оставаться, Лидия. Я бы выпил вина. Такой промозглый вечер...

Я услышала звук удаляющихся шагов и, наконец, решилась открыть глаза. Стены были затянуты обоями с тиснёным орнаментом «дамаск», который в полумраке напоминал переплетение затаившихся змей. На комод с массивной столешницей стояли хрустальные флаконы и серебряный туалетный набор. В углу поблёскивал медный таз для умывания, а над камином из серого мрамора тикали часы с позолоченным тельцом. Я лежала на огромной кровати под балдахином из винного бархата. Вся эта конструкция казалась мне алтарём.

Из коридора слышались приглушённые голоса.

- ...состояние крайне нестабильное, Феррол, - говорил Джулиан. - Мне нужно ваше... экспертное заключение. Кратчайшим путём.

- Разумеется, мой друг, - второй голос был паточно-сладким, вкрадчивым, с легкой хрипотцой. - Я сделаю всё, чтобы мисс Элайза не страдала от лишних волнений. Грин-Парк - очень тихое место именно для таких случаев...

Я едва успела сомкнуть веки и расслабить лицо, когда дверь открылась. К кровати подошли.

- Элайза, деточка... - мягкая влажная рука коснулась моего лба. Пальцы доктора были ледяными. - Вы слышите меня? Это доктор Феррол. Я пришёл вам помочь.

Я не шевельнулась. Послышался щелчок пробки. В следующую секунду мне под нос сунули флакон. Мои глаза распахнулись сами собой, а из горла вырвался хриплый кашель. Аммиак!

Надо мной склонилось лицо, которое можно было назвать приятным: аккуратные бакенбарды, внимательные серые глаза за золотым пенсне, мягкая улыбка. Но взгляд из-за стёкол оставался мёртвым и холодным, как у рыбы на прилавке.

- О, чудесно! - доктор убрал флакон и улыбнулся ещё шире, обнажив ровные желтоватые зубы. - Добро пожаловать обратно, мисс Элайза. Вы всех очень напугали.

Джулиан стоял у двери, скрестив руки на груди. Его лицо не выражало ничего, кроме скуки, но пальцы нервно барабанили по ткани сюртука. Феррол повернулся к нему, всё ещё удерживая мою ладонь в своих холодных руках, и я чувствовала, как его большой палец противно поглаживает мою кожу.

- Сознание вернулось, мистер Торн. Но боюсь... - доктор снова посмотрел на меня с приторным сочувствием, - мозг мисс Элайзы всё еще находится в плену теней. Её взгляд... вы видите? В нём нет узнавания. Это типичный признак меланхолического помешательства на почве травмы головного мозга...

Феррол бесцеремонно развернул мою голову, и его пальцы впились в кожу рядом с раной. Я зашипела от боли.

- Потерпите, голубушка, - проворковал он, аккуратно раздвигая слипшиеся от крови волосы на моем затылке. - Хм... Любопытно. Очень любопытно. Ваша кузина, мистер Торн, невероятно удачлива. Удар пришёлся по касательной, но сила была такова, что череп должен был треснуть, как яичная скорлупа. Травма очень серьёзная. Мозг получил сотрясение, которое в любой момент может обернуться воспалением... или чем-то похуже. Нужно наблюдать за мисс круглосуточно. При первых же признаках нестандартного поведения, вспышек агрессии или, наоборот, путаницы в именах и датах, сразу же вызывайте меня. Мозг - орган капризный: после такого удара личность может измениться до неузнаваемости.

«Измениться до неузнаваемости, значит?». Как удобно. Любую мою попытку сказать правду они спишут на бред сумасшедшей.

Доктор отстранился, вытер руки платком и направился к Джулиану. Они вышли в коридор, прикрыв дверь, но не до конца. Видимо, были уверены, что «бедняжка Элайза» ничего не соображает. Я же приподнялась на локтях, игнорируя тошноту и звон в ушах.

- Она как-то слишком быстро пришла в себя, - недовольно бросил «кузен». – Это ненормально!

- Это шок, мой друг, чистый шок, - поддержал его Феррол, а потом заговорщицки добавил: - Важно, чтобы изменения в поведении заметили не только мы. Нам нужно, чтобы как можно больше людей увидели, что Элайза душевно больна. Что после удара у неё помутился рассудок... Слуги, соседи, священник - все должны сочувствовать «бедной помешанной девочке». Тогда будет гораздо легче забрать её в Грин-Парк. Парочка публичных приступов — и ни один судья в Англии не усомнится в вашем праве опеки.

- Сколько времени вам нужно для подготовки документов?

- Неделя, - хмыкнул доктор. - Может, меньше. Главное - спровоцируйте её. Давление, страх, изоляция... Сломайте волю. Остальное я возьму на себя.

Мужчины ушли. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только тиканьем золотых часов. Я села на кровати, опустив ноги на ковёр. В голове пульсировала одна мысль: у меня есть меньше недели, чтобы превратить их план в пыль.

Пошатываясь, я сделала несколько шагов к трюмо и, сняв сюртук Гримшоу, швырнула его на кресло. Взгляд скользнул по отражению в зеркале. Я замерла. Руки непроизвольно потянулись к лицу.

Это, несомненно, я. Но... мне было не больше двадцати. Гладкая кожа, та же россыпь веснушек на переносице и копна непослушных рыжих волос, которые сейчас были спутаны и испачканы.

- Ну, привет, Элайза... Или всё-таки Вероника?

Я прикоснулась к ране. Пальцы нащупали запёкшуюся корку. Боль была острой, пульсирующей, но я отметила: регенерация у этого тела должна быть бешеная. Если всё так быстро заживает.

В голове быстро складывался пазл. Джулиан хочет запереть двадцатилетнюю девчонку в сумасшедшем доме, думая, что она напугана и слаба. Но где-то было завещание. Если мне суждено остаться в этом мире, то точно не в сумасшедшем доме.

В дверь постучали, и, в одно мгновение преодолев расстояние до кровати, я нырнула под одеяло. В комнату заглянула служанка.

- Мисс Элайза? Вы не спите?

Я приоткрыла веки. В спальню вошла женщина лет тридцати. На ней было закрытое платье из серой шерсти, дополненное белым фартуком с нагрудником. На голове громоздился объёмный накрахмаленный чепец.

- Сейчас слуги принесут ванну и горячую воду, мистер Торн распорядился, - служанка сделала книксен и тут же подалась назад к двери. Она втащила довольно объемистый кожаный саквояж, потёртый по бокам, и небольшой деревянный ларец с медными уголками.

- Посмотрите, что у меня, мисс. Это ваши вещи. Те самые... - женщина замялась, - которые жандармы вернули. Можете звать меня Мартой, мисс. Могу я что-нибудь для вас сделать прямо сейчас?

- Я бы выпила чаю, Марта, - ответила я. - Очень крепкого.

- Сию минуту, мисс.

Служанка вышла, а я на секунду прикрыла глаза. Нужно спасать Пипу. Прошу тебя, малышка, продержись до ночи!

Вскоре двое крепких лакеев внесли в спальню медную ванну и установили её перед камином. После чего натаскали воды. Следом появилась Марта и осторожно вымыла мне волосы, стараясь не задеть рану. Я чувствовала, как расслабляются мышцы, как в них проникает тепло, и даже прикрыла глаза от удовольствия.

Вскоре меня, чистую, пахнущую розовым мылом и одетую в длинную хлопковую сорочку, уложили на свежие простыни. Марта поправила одеяло и затушила почти все свечи.

- Отдыхайте, мисс. Если понадобится, дёрните вот за это шнур, - она указала на сонетку, свисающую с балдахина.

Оставшись в одиночестве, я уставилась в потолок, на котором сплетались в причудливые узоры ночные тени. Что это? Какое волшебство, какая чертовщина занесла меня в этот пропахший угольной гарью век? Может, я действительно умерла в том переулке за красной дверью и это моё личное Чистилище? Или квантовый скачок, о котором так любят спорить физики, действительно выбросил мою душу в прошлое, найдя подходящий «сосуд» с идентичным ДНК?

Ответа не было.

«Так, Вероника, соберись! - приказала я себе. - Пусть бьются в истерике «Элайзы» из слезливых романов. А я – современная самостоятельная женщина».

Но в то же время я понимала: нельзя плыть по течению. Нужно обезопасить себя. В этом мире, где у женщины прав меньше, чем у породистой кобылы, придётся побороться.

Когда часы отсчитали двенадцать ударов, я босиком, чтобы не шуметь, подошла к двери. Смазанные петли не издали ни звука. Коридор тонул в густых сумерках. Одиноким газовый рожок в дальнем конце едва теплился. Воздух здесь был прохладнее. По оконным стёклам монотонно барабанил дождь.

Я двинулась вперёд, стараясь держаться ближе к стенам. Под ногами ощущались плашки отполированного паркета, холодя пятки. На стенах в золочёных рамах замерли изображения каких-то людей. Их глаза, казалось, следили за каждым моим движением.

Добравшись до лестницы, я спускалась ступенька за ступенькой и замирала каждый раз, когда дерево издавало скрип. Внизу раскинулся большой холл. Мне даже пришлось остановиться, чтобы рассмотреть всё получше. Массивная подставка для зонтов в виде чучела цапли, портьеры из тиснёного бархата тёмно-красного цвета. В центре круглый стол с мраморной столешницей, на котором в фарфоровой вазе белели лилии. Оглядевшись, я обнаружила ещё несколько букетов. Их сладковатый аромат заполнил всё пространство, смешиваясь с запахом воска, дорогого табака и специй. Похоже, цветы принесли недавно.

Я подошла к первой двери и, нажав на дверную ручку, просочилась внутрь. Это была гостиная. В огромном камине всё ещё теплились угли. Их призрачный багровый свет выхватывал из темноты очертания кресел, обтянутых штофом, и громоздкого буфета с тускло поблескивающим серебром. Окна закрывали плотные шёлковые гардины, расшитые золотой нитью. Сделав несколько шагов, я замерла. У комода на полу лежал крысиный капкан. Его челюсти из зазубренного железа были разведены, а в самом центре на стальной пластине розовел кусочек мяса. Одного щелчка хватило бы, чтобы раздробить кости Пипе.

Я схватила кочергу и, подцепив капкан за скобу, швырнула его в камин.

- Пипа... Пипочка моя... Ты здесь? Пиперин?

Из-под комода донеслось едва слышное шуршание, а затем поскуливание. Сначала показались тоненькие лапки, а следом маленькая лохматая голова. Розовый бант съехал набок и повис грязной тряпочкой, а твидового пальтишка на малышке не было: видимо, содрали, когда ловили.

Пипа замерла. Её крошечный нос смешно задёргался. Она опасливо принюхивалась.

Секунда. Другая.

И вдруг, издав короткий восторженный «тявк», Пиперин бросилась ко мне. Она запрыгнула прямо на руки, втискиваясь головой под подбородок, дрожа всем своим крошечным тельцем. Я прижала крошку к себе, зарываясь лицом в её свалявшийся хохолок.

- Тише, маленькая, тише...

Мы поднялись в комнату и, забравшись под одеяло, я уложила малышку рядом. В голове снова начали роиться вопросы.

Хорошо. Пусть я - это сознание, перенесённое в тело Элайзы. Но Пипа... Она даже пахла кондиционером для собак «Цитрус и лаванда». Тем самым, из экологической линейки...

Это было абсолютно невозможно.

Может, моё тело было уничтожено? Тогда сознание могло искать ближайший подходящий «сосуд» с похожим генетическим кодом. И нашло Элайзу Стерлинг в 1880-м. Но Пипа... возможно, животные перемещаются иначе? Из-за отсутствия сложного самосознания её молекулярная структура просто переместилась целиком, как физический объект, выброшенный центрифугой времени в прошлое?

- Если ты здесь в своём теле, маленькая, значит, где-то здесь может быть и ещё что-то из моих вещей? – прошептала я. Нужно обыскать переулок, где нашли тело Элайзы. Срочно.

Глава 5

Наступивший рассвет не обещал тепла: он просачивался сквозь щели в шторах холодным серым светом. В комнате было зябко, так как камин давно погас. Я лежала неподвижно, глядя на балдахин над кроватью. Пипа, уютно свернувшись калачиком, изредка смешно дёрнула лапкой во сне и тихо посапывала.

«Так! Не паниковать! - приказала я себе. – Начнём по порядку: я в теле Элайзы Стерлинг. 1880 год. Вокруг люди, которые очень хотят, чтобы меня признали душевнобольной. В этом времени женщина, которая слишком уверена в себе - это либо экстравагантная особа, которую не принимают в приличном обществе, либо пациентка для лоботомии (хотя её, слава Богу, еще не изобрели, но методы лечения «женской истерии» здесь не менее варварские). Чтобы выжить и найти завещание, мне нужно было стать невидимкой.»

Итак, стратегия такова: я должна быть слабой, немного растерянной, но послушной. Джулиан должен поверить, что страх сломил мою волю. Я не буду задавать лишних вопросов о наследстве. По крайней мере, в лоб. Я стану идеальной слушательницей, кивающей на каждое слово. Если они хотят видеть во мне жертву, я дам им это зрелище. Но пока родственники Элайзы будут праздновать свою «победу» над моим разумом, я начну изучать дом. Мне предстояло достать из глубин памяти всё, что я знала о викторианском этикете. Это будет самый сложный эксперимент. И цена провала - моя жизнь.

В коридоре раздались шаги, и я закрыла глаза, притворившись спящей. Скрипнула дверь.

- Мисс... вы спите? – послышался тихий голос Марты.

Я выждала паузу, а потом, пошевелившись, приоткрыла веки, придав взгляду ту самую «мутную» растерянность.

- Марта?.. - мой голос прозвучал слабо, чуть хрипло.

- Как вы себя чувствуете, бедняжка? - служанка подошла ближе. В её руках был серебряный поднос. Она поставила его на прикроватный столик. – Давайте я вам помогу.

Она обхватила мои плечи, помогая приподняться. Взяла подушки и устроила меня повыше. Пипа, всё это время сидевшая тише воды, осторожно высунула нос из-под края одеяла.

Служанка присела на край кровати и взяла тарелку с подноса. Я почувствовала аромат свежесваренной овсянки. Сверху на каше таял кусочек жёлтого масла, растекаясь янтарной лужицей.

- Ну же, мисс Элайза, съешьте хоть немного, - уговаривала она, поднося ложку к моим губам. - Силы вам сейчас ох как понадобятся. Доктор Феррол говорит, что у вас нервическое расстройство.

Съев несколько ложек тёплой каши, я бессильно откинулась на подушки, прикрыв глаза. Марта бережно вытерла мои губы льняной салфеткой и тяжело вздохнула.

- Одна вы остались из Стерлингов, мисс... сиротка при живом-то кузене, - прошептала она. - Ваш покойный дядюшка так хотел, чтобы лавка перешла вам. А теперь...

Я лишь слабо, едва заметно улыбнулась, изображая изнеможение.

В этот момент в дверь постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошёл Джулиан. Он остановился у изножья кровати, заложив руки за спину и окинул меня холодным недовольным взглядом.

- Вижу, у тебя есть аппетит, Элайза. Это хорошо.

- Можете мне подышать воздухом? - я запнулась, делая вид, что каждое слово даётся мне с трудом. - Совсем немного...

Джулиан прищурился. В его светлых глазах мелькнуло странное любопытство. Кузен рассматривал меня так, словно я была редким насекомым, которому он только что оторвал одно крыло и теперь ждал, поползу ли я.

- Что ж. Свежий воздух может быть полезен. Ты можешь выйти из дома. Но только в сопровождении нескольких слуг, – кузен бросил взгляд на служанку. - Марта, приготовь мисс Элайзе вещи для прогулки.

Служанка поднялась, достала из саквояжа какую-то одежду и вышла, оставив нас наедине. Джулиан медленно обошёл кровать, опустился в кресло, стоящее рядом, и откинулся на спинку, сплетя длинные пальцы в замок.

- Какая от тебя польза для меня, Элайза? - задумчиво произнёс он, глядя куда-то сквозь меня. - Ты обуза во всех смыслах.

Джулиан перевёл взгляд на мое лицо, и я заставила себя не отвернуться, сохраняя покорность во взгляде.

- Доктор Феррол говорит, что твой разум может быть необратимо повреждён после такого удара. Хрупкая женская натура... она как фарфор. Достаточно одной трещины.

Кузен вдруг подался вперёд, и меня окутал запах дорогого табака и одеколона.

- Хотя... во всем есть своя прелесть.

Прежде чем я успела понять его намерение, Джулиан сунул руку под одеяло. Моя сорочка задралась выше колен, пока Марта усаживала меня на подушки, и теперь его ладонь коснулась обнажённой кожи. Холодные пальцы медленно скользнули вверх по бедру. Я ощутила, как по спине пробежали мурашки, но не от удовольствия, а от омерзения и животного желания закричать, оттолкнуть его. Пипа под одеялом напряглась. Я почувствовала её маленькое тело у своих ног. Моя защитница была готова вцепиться в этого гада в любую секунду.

Но я заставила себя замереть.

- Ты ведь не понимаешь, Элайза? Что даже не сможешь пожаловаться, потому что слова безумной никто не примет всерьёз.

Тонкая ткань сорочки послушно сминалась под рукой Джулиана, когда он преодолевал границу допустимого, поднимаясь всё выше. Мне стоило невероятных усилий не вцепиться в его холёное лицо ногтями. Но собака не выдержала первой.

Пипа, эта крошечная преданная душа, выскочила из-под одеяла и бросилась вперёд, как маленькая яростная фурия. Захлебывающийся лай разорвал тишину комнаты. Кузен вскрикнул и резко отпрянул.

- Какого чёрта здесь делает этот уродец?!

Я положила руку на напряжённую спинку Пипы, мысленно моля её замолчать. Малышка, почувствовав прикосновение моей ладони, затихла, перестала лаять, но не расслабилась. Она продолжала рычать, глядя Джулиану прямо в глаза. В этот момент дверь приоткрылась и в комнату снова заглянула Марта.

- Мистер Торн... Простите... Доктор Феррол прибыл. Он ожидает в коридоре.

Кузен резко повернулся к ней и раздражённо бросил:

- Пусть войдёт!

В дверях показался доктор, и его брови удивлённо взметнулись вверх.

- О-о-о-о... А я-то гадаю, что за шум сотрясает мирные своды этого дома.

- Эту тварь нужно вышвырнуть в канаву! - процедил Джулиан сквозь зубы.

Доктор Феррол, не обращая внимания на ярость кузена, подошёл чуть ближе, разглядывая собаку с таким любопытством, словно Пипа была редким анатомическим экспонатом. После чего он мягко улыбнулся кузену.

- Спокойствие, мистер Торн. Давайте-ка мы выйдем в коридор. Мне нужно переговорить с вами. А после я осмотрю мисс Элайзу.

Мужчины вышли, а я поднялась и прижала палец к губам, глядя на Пипу. Собака, словно понимая важность момента, замерла на одеяле каменным изваянием. Я же на носочках подошла к двери. Голоса в коридоре были приглушёнными, но в утренней тишине дома слышались довольно отчётливо.

- Я велю утопить эту псину в пруду сегодня же!

- Попридержите коней, мистер Торн, - голос доктора звучал успокаивающе, с вкрадчивостью, от которой стало не по себе. - Наоборот, нельзя у Элайзы забирать собаку. Сейчас - ни в коем случае!

- Это ещё почему?

- Поймите вы, нам нужно не просто избавиться от вашей кузины, нам нужно сделать это законно в глазах всего Сноушилла. Эта крошечная бестия — наш лучший союзник. Привязанность мисс Элайзы к «уродцу» лишь подтвердит для всех, что её разум... скажем так, окончательно помутился.

Я услышала, как Джулиан что-то недовольно проворчал, и доктор продолжил, понизив голос:

- Послушайте мой план. Как только Элайза окрепнет настолько, чтобы появиться перед людьми, позовите гостей. Устройте небольшой вечер. Я дам вам кое-какой порошок... мой специальный состав. Он вызовет дезориентацию, легкий тремор, галлюцинации. Усугубит состояние мисс Элайзы именно в тот момент, когда на неё будет смотреть общество. А собака добавит гротеска.

Кузен хмыкнул. Похоже, доктор его убедил.

Послышались шаги. Мужчины возвращались. Я метнулась обратно к кровати, прыгнула под одеяло и закрыла глаза, стараясь выровнять дыхание, которое сбилось от злости. Ну, гады...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.